

ПРЕДИСЛОВИЕ

Определяя свое отношение к идеологии, многие исследователи и ученые исходят часто из весьма различных ее толкований. К тому же сам термин “идеология” является омонимом, т.е. его звучание и смысловое содержание не находятся в однозначном соответствии: в литературе он употребляется в весьма различных значениях.

Нельзя не отметить, что нередко к формам идеологии относят такие, которые мало или совсем не соответствуют их понятию, сути самой идеологии. Говорят, например, об идеологии какого-то отдельного человека, об идеологиях экономической, гуманитарной, экологической, научно-технической и др. Сочетание всех этих явлений с термином “идеология” некорректно, ибо всякая идеология, с одной стороны, тесно связана с каким-то определенным субъектом (исходит из него), а с другой – служит выражением интересов, потребностей общества в целом в политическом, правовом или ином аспекте. Одни из названных “идеологий” явно не связаны с отдельными социальными группами, другие с обществом в целом.

Здесь идеология, или ее формы подменяются определенными направлениями в функционировании государства, задачами общества в совершенствовании отдельных сторон, сфер общественной жизни. Экономические, экологические, культурологические и другие концепции сами по себе не выступают как формы идеологии, но это, однако, совсем не исключает, а часто, как правило, предполагает их активное использование при разработке, построении идеологических систем.

Если подходить с точки зрения формальной, этимологической, то идеология – это учение об идеях, о том, как эти идеи взаимодействуют, переходят от одних к другим, существуют как некая самостоятельная сфера. Такому толкованию термина соответствовало и одно из первичных значений “логоса” – “отчет”. Именно в таком примерно плане обозначил идеологию один из представителей позднего поколения французских просветителей Антуан Дестют де Траси (1754-1836). Называя идеологию теорией идей, он и его единомышленники вводили в нее всю совокупность научных теорий, изучающих человеческую психику, сознание, знание, т.е. все то, что должно представить идеологию как науку о всеобщих и неизменных законах “развития идей”.

Есть, однако, и иные подходы к этимологии термина. Если по-гречески “идея” - это мысль, а “логос” – слово, то идеология – это мысль, выраженная в слове, и при этом мысль, не застывшая, а живая, активная. К более емкому выводу можно прийти, если исходить из характеристики “логоса”, данной М. Хайдеггером, как закона сущего, явленного в речи¹. Из такого понимания идеологии исходят те концепции, которые подходят к этому феномену с оценочных позиций (позитивная, негативная и др.).

Однако различие подходов исследователей к понятию идеологии и определению ее роли в обществе объясняется не только различием в понимании самого этого термина. К тому же это не ведет к выявлению актуального значения термина. Наиболее продуктивен здесь, как и во многих других случаях, подход не формальный, а содержательный, связанный с бытием идеологии как актуального социального явления, находящегося в тесном взаимодействии с другими сторонами общества.

Как явление духовное и концептуально-теоретическое идеология проявляет себя в общественном сознании. Подробное рассмотрение идеологии именно в этой сфере позволяет выявить сущность этого феномена, понять, почему идеологию иногда трактуют как мировоззрение, иногда отождествляют с мифом, религией или моралью, а иногда рассматривают ее как выразительницу интересов какого-либо социального слоя, будь то классы, страты или нации и другие общности. Идеология иногда выступает как исключительно политическое явление, а иногда указывается ее познавательное значение и т.д. Такие подходы к идеологии определяются многоуровневым и многофункциональным характером самого общественного сознания.

Общественное сознание представляет собой очень сложное в структурном отношении образование. В связи с этим его деление на структурные элементы может быть проведено по разным основаниям. Во-первых, структура общественного сознания может рассматриваться под углом зрения уровня, глубины отражения общественным сознанием социальной действительности; во-вторых, деление может быть проведено в связи с субъектами сознания, и тогда наряду с сознанием всего общества должно рассматриваться сознание больших социальных групп и даже индивидуальное сознание. И, наконец, таким основанием может служить специфика тех сторон действительности, которые отражаются общественным сознанием, и тогда можно говорить о его формах. Естественно, подобное деление общественного сознания на структурные элементы носит лишь условный характер, ибо на всех его уровнях и во всех его проявлениях отмеченные элементы также выступают в неразрывном единстве.

¹См.: Рачков П.А. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №2. 1999, с. 30

Мы постараемся рассмотреть идеологию в трех указанных аспектах, в трех ракурсах в структуре общественного сознания. Первый аспект позволяет глубже вникнуть в соотношение идеологии с общественной психикой. Второй аспект помогает воспринимать идеологию как социально-групповой феномен, как самосознание социальной или национальной общности. Третий аспект подчеркивает схожесть и различие идеологии с другими, близкими ей явлениями в общественном сознании.

1. ИДЕОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПСИХИКА

С какой стороны бы мы не рассматривали общественное сознание везде можно обнаружить присутствие идеологического фактора. В каждом отдельном случае идеология проявляет себя по-разному. Она пронизывает все формы сознания (политическое, правовое, религиозное, эстетическое и др.), определяет ориентиры для социальных групп и общества в целом. И везде она выступает в тесном единстве с общественной психологией. Взаимосвязь и взаимообусловленность этих двух феноменов, так же как и различие, особо ярко проявляется при рассмотрении общественного сознания с точки зрения глубины отражения действительности. В данном случае они выступают в качестве двух уровней общественного сознания. Соотношение между общественной психологией и идеологией предопределено тем, что первая является эмоциональным, чувственным, а вторая – рациональным уровнем общественного сознания.

Вначале хотелось бы оговорить наше отношение к термину “общественная психология”. Понятие психология означает науку о психике, понятие социальная психология – науку об общественной психике. Поэтому объектом социальной психологии как науки является именно социальная психика, а не общественная психология. Именно так понимает общественную психологию ряд ученых, исследующих данную сферу сознания. К ним относились, например, как западные, так и бывшие советские ученые¹. В таком аспекте этот термин будем понимать и мы, хотя, сугубо для удобства, будем пользоваться традиционным, устоявшимся термином “общественная психология”.

Общественная психология есть совокупность чувств, настроений, побуждений, эмоций, мыслей, взглядов, убеждений, характерных для данного общества в целом и для каждой из больших социальных групп. В ней содержатся, помимо неосознанных чувств и настроений, еще и глубокие мысли, не вылившиеся в идейные системы, но являющиеся тем

¹ См.: Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. Под ред. Г. Шишкоффа. М.: Республика. 2003. с. 368; Самсонов Р.М. Социальная психика и идеология. Е.: Айастан. 1970, с.23; Плеханов Г.В. Избр. философ. произв. Т. 1. с.с. 644-651 и другие

не менее результатом многовекового опыта народных масс. Общественная психология вырастает непосредственно под влиянием конкретно-исторических условий социального бытия. И поскольку эти условия для каждой из больших групп различны, неизбежно различаются между собой и их социально-психологические комплексы. Разумеется, в таких комплексах различных групп в каждой отдельной стране имеются и общие черты, связанные с ее историческими особенностями, национальными традициями, уровнем культуры. Не случайно мы говорим о немецкой пунктуальности, армянской находчивости, американской деловитости и т.д.

Идеология, также как и общественная психология, исходит из конкретного социального бытия, то есть социально обусловлена. Как уровень общественного сознания она выступает в качестве системы теоретических взглядов и отражает степень познания обществом мира в целом и отдельных его сторон. Идеология, бесспорно, всегда содержит элементы знания, имеет познавательную ценность, так как частично несет в себе объективную информацию о социальной действительности. Как видно, идеология здесь предстает перед нами в широком плане, при котором доминирует познавательный аспект. Необходимо иметь в виду, что идеология проявляется еще и в другом аспекте – аксиологическом (ценностном), как система теоретических взглядов одной большой социальной группы, прямо или косвенно отражая ее коренные интересы. При этом оценка тех или иных социальных явлений и процессов дается подчеркнуто с узкогрупповых позиций.

В любом случае идеология представляет более высокий по сравнению с общественной психологией уровень общественного сознания – уровень теоретического отражения мира. Если при анализе психологии социальных групп мы пользуемся эпитетом “общественная”, ибо существуют еще, например, психология возрастная, профессиональная и т.д., то понятие “идеология” в таком дифференцировании не нуждается: она всегда носит общественный характер.

Отношение между идеологией и общественной психологией весьма сложно. Эти два феномена необходимо рассматривать в неразрывном единстве и взаимопроникновении. С одной стороны, формируясь, идеология базируется на определенных чертах психики данной социальной группы или общества в целом. Собственно говоря, не может быть человеческого общества, где не вырабатывались бы определенные системы идей и где эти идеи не охватывали бы сознание больших групп людей. Общественная психология есть то непосредственное отражение внешних проявлений социальной действительности, которое составляет своеобразный базис для возникновения соответствующей идеологии. Идеология проясняет то, что смутно схвачено психологией, проникает в сущность явлений.

Неправильно считать, что идеология является обобщением социальной психологии или, тем более, простым пассивным отражением ее особенностей. Общественная психология, как и идеология, имеет свои непосредственные материальные и идейные истоки и предпосылки, развивается по своим внутренним законам. Однако вне ее не может быть идеологии, ибо последняя перестает быть таковой, если она не несет в себе содержание социальной психики и не охватывает сознание масс.

С другой стороны, общественная психология складывается как в результате отражения материальных условий жизни, реальных общественных отношений, так и под влиянием других форм общественного сознания. Это утверждение прежде всего относится к идеологии. Появившись на свет, она активно воздействует на психику людей. Идеология не создает в массах какие-то новые чувства, а лишь кристаллизирует, осознанно оформляет их, способствуя усилению одних психологических черт и ослаблению, сведению к минимуму других. Иначе говоря, идеология – это то, что разрабатывается представителями теоретической мысли и вносится в сознание массы. Вносить же в массы “общественную психологию” в смысле психических процессов и состояний этих масс – бессмыслица.

Идеология рационально обосновывает действия социальных групп, их направленность, вырабатывает средства и методы, какими можно убедить массы, вызвать у них стремление к определенным действиям, помочь им нужным образом оценивать те или иные явления, осознавать свои интересы, воспитывать в массах целесообразно ориентированное самосознание, выраженное в групповом чувстве, патриотизме и т.п. Результат осуществления этих функций идеологии обнаруживается в массовой психике – социальных эмоциях, настроениях, убеждениях, предрассудках, в определенном отношении к действительности. На наш взгляд, идеология собственно и возникает для того, чтобы оказать воздействие на социальную психику людей с одной единственной целью – скорректировать общественную психологию и направить ее в удобное русло.

Но единство общественной психологии и идеологии не снимает вопроса о своеобразии их проявлений. Это касается, в первую очередь, вопросов их генезиса. Если первая формируется стихийно, непосредственно под воздействием жизненных обстоятельств, то вторая преимущественно выступает как продукт теоретической деятельности идеологов данной социальной общности. Идеологи могут не принадлежать к той социальной группе, интересы которой они выражают. Однако в процессе “написания” идеологии они уже выступают в качестве интеллигенции этой социальной группы.

Следует особо отметить, что идеология не ограничивается концепциями, создаваемыми интеллектуалами, и охватывает различные сферы общественного и индивидуального сознания – “от научного знания до религии и повседневных представлений

о надлежащем поведении вне зависимости от того, истинны эти представления или ложны”¹. В этом определении особое значение имеет то обстоятельство, что речь идет о надлежащем поведении, независимо от того, имеют ли идеологии повседневный характер, привнесены ли религией, либо являют собой трансформацию научных знаний в “программу поведения”.

Здесь следует обратиться к вопросу о различии “написанных” идеологий от “неписанных”. Еще Маркс и Энгельс отмечали об объективном процессе формирования идеологии, о его “социальной обусловленности”. Иногда идеологи сами не в состоянии воспринимать те “движущие силы”, которые подталкивают их к созданию тех или иных идеологических концепций, иначе их “не назвать идеологиями”². Маркс, считавший, что идеология создается “мыслителями” класса, не отрицал того факта, что “на основе материальных условий и общественных отношений” весь класс творит не только своеобразные чувства и иллюзии, но и образы мысли и мировоззрения³.

Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Обычно имеется в виду материальная сила теории. В то же время неправомерно постулировать “нетеоретичность” обыденного сознания и сводить его к общественной психике. Регуляция поведения осуществляется с помощью “повседневных теорий” (“неписанных идеологий”), концептуализирующих ценности и интересы. При этом усвоение теории в повседневной жизни “начинается уже в практике приспособления поведения к внешним требованиям культурной формы и носит характер постепенного разъяснения, понимания и уточнения смысла символических аспектов поведения”, – пишет известный исследователь Л.Г. Ионин⁴.

В рамках исторической антропологии убедительно доказана относительная самостоятельность каждой из двух идеологий – первой, творимой интеллигенцией (“писанной”), и второй, имеющей хождение в массах (“неписанной”). Е.М. Штаерман показала сходство образов, содержащихся в сочинениях философов первых двух веков Римской империи и в эпитафиях “маленьких людей”, объясняет это сходством “умонастроения”, типичного для Рима этого периода⁵. А.Б. Ковельман, решавший проблему взаимоотношения “культуры масс” и “культуры верхов” в птолемеевском Египте, считал, что то и другое (несмотря на их противоположность) объединяет риторический стиль. “Синтез философии с риторикой, – пишет он, – пропитывает и христианскую проповедь и

¹ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С. Социологический словарь. Казань: Изд-во Казанского университета. 1997, с.98

² Энгельс Ф. Письмо Ф.Мерингу // Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. в 50-ти томах. М.: Политиздат, 1955 - 1981. Т. 39, с. 83

³ Маркс К. Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат. 1957, с.145

⁴ Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос. 1996, с.221

⁵ См.: Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М.: Наука. 1987, с. 214

стоическую диатрибу. Вторая софистика создает язык элиты, а говорят на нем массы”¹. Аналогичную проблему ставит А.Я.Гуревич, характеризуя средневековую народную культуру: “Великий немой”, “великий отсутствующий”, “люди без архивов и без лиц” – так именуют современные историки народ, когда для него был закрыт непосредственный доступ к средствам письменной фиксации культурных ценностей”². Гуревич отмечает, что не только язык, но и содержание литургических текстов “приноравливалось” к сознанию паствы, актуализируя определенный пласт идей и представлений. Таким образом формируется культурно-идеологический комплекс, который А.Я. Гуревич называет “приходским католицизмом”³.

Приведем пример бывшего Советского Союза. Хотя “советский человек” оставался “немым” не в меньшей степени, чем человек Средневековья, нет оснований отождествлять официальную коммунистическую идеологию с тем комплексом идей, которые разделялись “народом” и определяли поведение большинства населения. Идеологию “советского человека” нельзя считать также лишь примитивизированной марксистско-ленинской идеологией. Проблема двух идеологий решается в данном случае как проблема “двоемыслия”, несоответствия официального и “приватного”, которому были подвержены и “верхи”, и “низы” советского общества. При этом “широко понимаемая двойственность, бинарность нормативно-ценностных регуляторов может считаться свойством любых социокультурных систем и эпох”⁴. Ю.А.Левада считает, что именно в советском обществе двоемыслие становится тотальным, ничем не ограниченным, хотя в первую очередь “школу двоемыслия” проходили элитарные слои.

Компонентами “повседневной идеологии” являются социальные представления. Они не считаются исключительно эмоциональными образами социального мира, а представляют собой субъективные конструкции, направленные на рационализацию и объяснение действительности. Именно эти конструкции обеспечивают выполнение обыденным сознанием идеологических функций. По мнению известного американского исследователя М. Рокеша совокупность представлений, образующих такую идеологию, является относительно целостной системой субъективных конструкций, характеризующейся большей или меньшей степенью устойчивости⁵.

¹ См.: Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид: Массовое сознание Римского Египта. М.: Наука. 1988, с. 13

² Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство. 1981, с. 8

³ См.: Там же, с. 24

⁴ Левада Ю.А. Возвращаясь к феномену “человека советского”: проблема методологии анализа // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1995. №6, с. 15

⁵ См.: Rokeach M. Beliefs, attitudes and values: Theory of organization and change. San Francisco: Jossey-Bass Inc., 1972. p. 3

Обращаясь к вопросу взаимоотношения идеологии и общественной психологии нельзя не затронуть такое понятие как “менталитет”, которое в последнее десятилетие встречается довольно часто в политологической, социально-психологической и философской литературе. Это понятие было введено в общественное сознание рядом известных ученых историко-психологического и культурно-антропологического направления – Л.Леви-Брюлем, Л.Февром, М.Блоком и другими. Первоначально оно означало наличие у представителей того или иного общества, которое трактовалось прежде всего как национально-этническая и социокультурная общность людей, некоего плохо определяемого, но явно общего для них “умственного инструментария”¹. Со временем понятие “менталитет” стало использоваться и для описания, в обобщенном виде, свойств и особенностей организации социальной и политической психологии людей, принадлежащих к достаточно обособленной общности не только национально-этнического и историко-культурного, но и социально-политического характера.

Подходы современных исследователей к этому понятию далеко не однозначные. Одни из них склонны приравнивать менталитет к общественной психологии, тогда теряет смысл само выдвигание этого понятия в качестве научного термина. Другие трактуют его слишком обобщенно. Так, например, Д.В.Ольшанский понимает менталитет как “всего лишь общий для членов социально-политической группы или организации своеобразный политико-психологический тезаурус (“словарь”, “лексикон”, призму восприятия и осмысления мира)”².

На наш взгляд, наиболее приемлемым является подход С.Э.Крапивенского, который рассматривает менталитет как составную часть общественной психологии. Он выделяет три уровня общественной психологии: 1) элементарное отражение фундаментальных условий жизни социума; 2) отражение не только отмеченных фундаментальных факторов, но и сложившихся не без помощи первого уровня общественной психики экономических отношений; 3) обратное активное воздействие на общественную психологию со стороны политической и духовной надстройки³. Менталитет, по мнению Крапивенского, включает в себя только первые два уровня общественной психологии. Примерно такой же подход наблюдается и у А.А.Ивина. По его словам: “Менталитет – это “склад ума”, социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать... Менталитет означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного,

¹ См.: Ольшанский Д. Политическая психология. СПб.: Питер. 2002, с.20

² Там же

³ Крапивенский С.Э. Социальная философия. Волгоград. 1995, с.с. 198-199

логического и эмоционального, т.е. глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления...»¹.

Такое понимание менталитета помогает определить его истинное место в общественной психологии и вместе с тем не отождествлять их. Таким образом, менталитет представляет собой наиболее фундаментальное и глубинное, а потому и наименее изменяемое в общественной психологии. В этом отношении он сравним с понятием “коллективное бессознательное”, к которому обращались представители психоаналитического подхода к идеологии. Однако, это не означает и их тождества, ибо “коллективное бессознательное” – понятие более узкое, которое, даже при научном рассмотрении, можно лишь включить в менталитет, а не приравнивать с ним.

Менталитет подвержен политическому и идеологическому воздействию, хотя и в сравнительно меньшей степени, чем общественная психология в целом. Такое воздействие бывает кратковременным и приводит лишь к внутримерным, количественным изменениям менталитета. Сам менталитет, в свою очередь, играет решающую роль в возникновении и распространении идеологии. Для последней он выступает в качестве нерушимого и надежного фундамента. Хотя при этом, в отличие от общественной психологии, он практически не требует рефлексии.

Используя понятие “ментальности” многие ученые пытались, например, определить причины столь быстрого распространения марксизма именно в СССР, хотя это учение создавалось его основоположниками для развитых стран Европы. Причина, по мнению исследователей, кроется в преобладании в менталитете бывшего имперского российского общества элементов общинного сознания и в понимании справедливости, как “уравнительного” способа распределения благ между членами общества.

Подводя итоги вышеизложенного, можно отметить, что идеология и общественная психология представляют собой два взаимосвязанных и взаимопроникающих явления, два уровня общественного сознания. При этом психология выступает в роли “фундамента” идеологических построений, что не исключает воздействия идеологии на психику людей. Влияние идеологии на общественную психологию не единовременный акт и даже не ряд отдельных актов, а сплошной перманентный процесс. Со времени возникновения человеческого общества и его психики происходит непрерывный процесс смены одних общественных идей другими, нескончаемая борьба старой и новой идеологии за овладение сознанием людей. Происходящие в материальных условиях жизни и социальных отношениях изменения получают непосредственное отражение в социальной психике, а также опосредованное – через идеологическое влияние на общественное сознание в целом.

¹ Ивин А.А. Основы социальной философии. М.: Высш. шк. 2005. с.201

2. МЕХАНИЗМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТРУКТУРА ИДЕОЛОГИИ

В целом, изучение общественной психологии и идеологии, особенностей их взаимоотношений, психических механизмов влияния той или иной идеологии ничего еще не говорит о причинах, движущих силах изменений в общественном сознании, о стимулах, приводящих к закреплению в социальной психике одних идей и вытеснению их другими. Ясно одно, что эти причины не могут содержаться имманентно в общественном сознании, ибо последнее само является лишь отражением общественного бытия. Поэтому, эти движущие силы надо искать вне сознания, в реальных общественных отношениях. Главным стимулом изменений в социальной психике, на наш взгляд, выступают общественные интересы, в свете действия которых и надо рассматривать взаимовлияние общественной психологии и идеологии. Их роль наиболее отчетливо выявляется при рассмотрении структуры общественного сознания с точки зрения субъектов сознания, т.е. социальных и национальных общностей. Такой подход позволяет понять сущность механизма формирования идеологии и его воздействия на социальную психику людей, в чем первостепенную роль играют интересы людей.

Как было отмечено выше, сама идеология – явление общественное, поэтому она проявляется не на индивидуальном, а на социально-групповом уровне и, в целом, на уровне общества. Однако это не означает, что индивидуальное сознание оторвано от идеологии. Идеология всегда ставит целью овладение сознанием социальной общности, потому что только посредством воздействия на сознание людей возможно их направить на преобразование самой действительности. А добиться этого возможно лишь посредством воздействия на сознание каждого индивида в отдельности.

Между индивидуальным сознанием и идеологией нет твердых границ. Напротив, между ними происходит постоянное взаимодействие. Идеология существует как факт сознания только через свою приобщенность к реально функционирующему сознанию индивида. Мысль, существующая лишь в контексте сознания индивида и не укрепленная в социальном контексте, – еще только мысль. Но уже в контексте индивидуального сознания эта мысль осуществляется с установкой на общественное сознание и сама порождена впитанными человеком ранее социальными духовными ценностями, в частности идеологией. Личные идеи и убеждения приобретают характер общественной ценности, значение социальной силы и становятся не только общим достоянием, но и общим правилом. Индивидуальное сознание в данном случае выступает в качестве “первокирпичика” для более высокого по уровню группового сознания.

Сознание социальной общности (социальной группы) – в системном понимании, это исторически обусловленный уровень осознания членами большой социальной группы (класса, нации, страты, социального слоя) своего положения в системе существующих социально-политических отношений, а также своих специфических социально-групповых потребностей и интересов. Феномен социально-группового сознания характеризуется тесным переплетением политико-психологических и идеологических элементов.

По определению Ольшанского, социально-групповое сознание представляет собой особый феномен, производный от повседневной социально-групповой психологии – от того непосредственного, стихийного, эмоционально окрашенного и во многом случайного психического отражения социально-экономических, политических и всех прочих условий жизни и общественного бытия большой группы, которое формируется как результат освоения индивидом совокупного опыта своей большой социальной группы, личного жизненного опыта ее представителей и результатов их общения между собой¹.

Основными отличительными особенностями сознания социальной общности являются цельность, четкость, определенность ценностных ориентаций и представлений о целях общественно-политического действия. Это определяет подчеркнуто идеологизированный характер социально-группового сознания, сближает его по содержанию с групповой идеологией. Генетически социально-групповое сознание и является основой идеологии большой социальной группы – кристаллизованного, обобщенного и концептуального выражения социально-группового сознания.

Различающиеся условия бытия разных больших социальных групп порождают, в первую очередь, различные потребности, интересы и мотивы деятельности людей. В своей совокупности они складываются в специфические, частично осознаваемые, частично неосознанные психологические особенности, общие для большинства представителей больших групп.

Основой социально-групповой психологии являются общие потребности людей, составляющих данную большую социальную группу. Однако, на наш взгляд, главным стимулом изменений общественного сознания необходимо считать именно интересы, потому что в этом понятии сосредоточено значительно больше социального смысла. Интересы лишь опосредованно связаны с физиологическими желаниями людей, в то время как потребности связаны с ними напрямую.

Однако, следует учесть наличие в обществе не только физиологических, но и другого рода (например, духовных) потребностей человека, то есть как естественных, так и социальных его потребностей. Удовлетворение физиологических потребностей помогает ему

¹ См.: Ольшанский Д. Политическая психология, с.293

“быть” человеком, существовать как биологический вид. Удовлетворение же социальных потребностей человека приобщает его к общественной жизни, позволяет ему пользоваться благами общества. “Интерес” предполагает преломление в субъективном объективно существующих социальных потребностей, это свойство только социализированного человека.

Иногда интересы способны сами воздействовать на формирование потребностей. Здесь прослеживается относительная самостоятельность интересов. Вообще, интересы и потребности социума не только не совпадают, но и могут противоречить друг другу. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что очень часто в действительности определенным образом понятые социально-групповые интересы ставятся людьми выше непосредственных личных материальных потребностей, которые иногда приносятся даже в жертву.

Нет полного соответствия и между реальными интересами людей и общественных групп и тем, какими они этим людям представляются. Так как интерес – явление более субъективное, следовательно, возникает возможность неадекватного, противоречивого отражения этих потребностей в общественном сознании. При этом происходит ложная интерпретация интересов в сознании социальных групп. Вся история человечества изобилует примерами такого рода.

Интересы – это отраженные определенным образом в сознании людей их реальные отношения. Они стимулируют распространение новых или вытеснение старых идей. При этом интересы не являются чем-то, находящимся в отрыве от идей. По словам известного армянского ученого Р.М.Самсонова, идеи распространяются в обществе потому, “что в них отражены по-своему понятые интересы определенных слоев общества”¹. Наилучшим образом интересы социальных групп и общества в целом выражаются посредством системы взаимосвязанных и взаимообусловленных идей, то есть идеологии. Вместе с тем интересы не приравниваются к идеям, имея по отношению к ним более объективный характер.

Распространяемые идеи содержат определенное целеполагание. При выборе и реализации цели социальные группы ориентируются на ценности, идеалы и нормы. Норма по своей сути и форме проявления, также как и интерес, социальна. Это образец, правило, принцип деятельности, признанные социальной организацией и в той или иной форме заданные для исполнения ее членам². Норма – это общепризнанная в определенной социальной среде совокупность требований, регулирующих поведение людей, все иные формы их деятельности³.

¹ Самсонов Р.М. Социальная психика и идеология. с. 204

² См.: Философский энциклопедический словарь. М.: 1989, с. 428

³ См.: Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону. 1995, с.52

Нормы формируются из принятых в обществе представлений о ценностях. Ценность – это не любая значимость явления, предмета, а его положительная значимость, которая своим истоком имеет человека, его цели и идеалы. Это, имеющий социальное происхождение, тот “образец”, на которую ориентирована норма. “Ценность, – по мнению Э. Аспа, – приобретенное, усвоенное из опыта обобщенное и стабильное понятие о том, что является желательным; это – тенденция выбора и критерий постановки целей и результатов действий... Каждое общество имеет четко определенные главные ценности, с которыми члены этого общества в целом согласны”¹.

Ценности, в свою очередь, отражаются в сознании в форме ценностных ориентаций. “Ценностные ориентации – это отношения личности к социальным ценностям, выступающие в качестве регуляторов ее поведения”². У человека, как и у коллектива, общества, имеется много ценностных ориентаций, одни из них менее, другие более существенны, среди них есть мелочные и возвышенные и т.п. Большое значение для такого явления как идеология приобретают ориентации на высшие ценности – идеалы. Идеал – это образец, прообраз, понятие совершенства, высшая цель стремлений. С этим обстоятельством связано дальнейшее развитие общества. По словам П.И.Новгородцева: “Нравственный идеал требует постоянного действия. Не земной рай, как вечная награда за употребленные ранее усилия, а неустанный труд, как долг постоянного стремления к вечно усложняющейся цели, вот что, с этой точки зрения, должно быть задачей общественного прогресса”³.

Процесс ориентации на ценность неразрывно связан с оценкой, которая обычно опирается на ценность⁴. Оценка складывается из акта сравнения, собственной оценки и рекомендаций к отбору того, что признается ценностью. Тот, кто оценивает, формулирует суждение о полезности или вредности, необходимости или ненужности того, что оценивается. Оценка связана с практикой в широком смысле этого слова (общественно-исторической практикой человека). Она означает решение по выбору, а выбор ведет к действию. Оценка, тем самым, организует практическую деятельность.

Таким образом, возникновение идей, а вместе с ними и идейных систем, ведет к формированию идеологий, которые получают теоретическое оформление идеологами. Однако, создание идеологий для них не самоцель. Идеологии возникают, в первую очередь, для воздействия на сознание определенной социальной группы и общества в целом, с целью их мобилизации и ориентации в дальнейшей деятельности.

¹ Асп Э. Введение в социологию. Спб.: 1998, с.с. 121-122

² Кармин А.С., Бернацкий Г.Г. Лекции по философии. Екатеринбург. 1992, с. 121

³ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: 1991, с. 47

⁴ См.: Ивин А.А. Основы социальной философии, с. 213

Чтобы стать достоянием массового сознания, идейным системам необходимо превратиться в убеждения социальных групп и слоев общества. При этом они не могут не пройти через индивидуальную и общественную психологию одновременно ввиду их неразрывного органического внутреннего единства. Идеи входят в индивидуальное и общественное сознание по двум неразрывно слитым каналам восприятия реальной действительности – рациональному и эмоциональному.

Таким образом, чтобы стать убеждениями людей, идеи должны вызвать к себе определенное положительное эмоциональное отношение, а также чувство сопричастности у людей и групп, чьим сознанием должна овладеть идеология. Для того, чтобы идеи распространялись в массах, становились убеждениями через положительное к ним отношение, чтобы закрепившиеся в результате действия ряда гносеологических и социальных причин новые идеи вытесняли старые, необходимы достаточно сильные стимулы, в качестве которых в обществе и выступают интересы людей и социальных групп.

В целом можно заключить, что идеологии, возникшие в результате взаимовлияния рационального и эмоционального начал как отражений социального бытия, являясь концентрированным выражением интересов определенных социальных слоев и групп и ориентирующие их на соответствующие ценности, нормы и идеалы, через воздействие на индивидуальную и общественную психологию стимулируют развитие группового сознания и направляют его носителей на практические действия – изменение или совершенствование самого социального бытия. В этом заключается механизм возникновения и функционирования идеологии.

Рассмотрение структуры общественного сознания с точки зрения субъектов сознания помогает также выявить структуру идеологии. Исследователи по разному относятся к этой проблеме. На наш взгляд, наиболее адекватно на этот вопрос дает ответ тот же Д.Ольшанский. Он пишет: “В групповой идеологии выделяются три основных компонента. Во-первых, это ценности данной большой группы. Во-вторых, это основные нормы сознания, жизни и поведения группы. Наконец, в-третьих, это конкретные образцы поведения для представителей данной группы”¹. Кроме этого подхода существуют и такие, которые в структуру идеологии, кроме перечисленных, включают также и социальные ориентации, и даже ролевые представления.

На наш взгляд, в основе деления идеологии на структурные элементы можно поставить схему, предложенную Д.Ольшанским. Однако в качестве структурных звеньев идеологии необходимо рассматривать лишь первые два: ценности (или ценностные ориентации) и нормы. Что касается третьего звена – образцов поведения, то они могут быть

¹ Ольшанский Д. Политическая психология, с. 295

включены в структуру идеологии лишь при очень общем рассмотрении. Образцы поведения, по нашему мнению, относятся к сфере больше практической, чем идейно-теоретической, какой является идеология. Их можно встретить не в теоретических построениях идеологий, а в виде лозунгов и символов, используемых при непосредственном политическом действии.

Для определения структуры идеологии хотелось бы использовать уже показанный нами механизм формирования идей и идейных систем, в основе чего лежит процесс целеполагания. На наш взгляд, в дополнение к двум структурным звеньям идеологии, предложенным Ольшанским, необходимо добавить еще одно – идеалы. Именно они доводят до логического завершения основанные на коренных интересах социальных слоев и групп их устремления, являются, своего рода ориентирами, без которых немислим ни один, сколь-нибудь серьезный, социально-политический процесс. Без идеалов не может обходиться ни одна идеология.

И, наконец, в структуру идеологии необходимо включить ее теоретическую основу – соответствующую концепцию, без которой не может существовать ни одна идеология. Концепции объединяют все вышеперечисленные структурные компоненты идеологии в одну единую, логически обоснованную, идейную систему. Именно субъективно воспринятая социальной группой, отражающая ее интересы та или иная концепция, составляет стержень идеологии.

Таким образом, исходя из структурного определения идеологии ее можно представить как выраженное в идейно-теоретической форме отношение к ценностям, нормам и идеалам сквозь призму интересов социальных групп.

Д.В.Ольшанский дает интересную трактовку социально-групповой идеологии как социального явления. Согласно идеальной схеме, становление социально-групповой идеологии представляет собой самопроизвольный, хотя и вполне объективно-исторически детерминированный процесс. По сути, это процесс отбора наиболее характерных для бытия данной группы психологических элементов и тенденций. Он также включает их переработку и самоорганизацию в стройную систему социально-типичных представлений и ценностей, управляющих сознательным, целеустремленным поведением наиболее продвинутых (то есть, уже обладающих групповым сознанием, на базе которого и усваивается групповая идеология) представителей данной большой социальной группы. В ходе данного процесса групповая идеология получает свой надындивидуальный статус и обретает особую форму существования - обладающие ей в большей или меньшей степени члены группы являются

всего лишь носителями и выразителями свойственного только группе в целом универсума групповой идеологии¹.

Диалектику развития социально-группового сознания и, на его базе групповой идеологии, можно рассмотреть в соответствии с классической гегелевской формулой: от “группы в себе” - к “группе для себя” (у Ф. Гегеля это диалектика превращения: “вещь в себе” – в “вещь для себя”).

“Группа в себе” – это такой уровень развития, когда группа в целом и ее представители, уже выполняя в обществе определенные функции и объективно существуя как влиятельный класс или определяющая страта в системе социально-экономических отношений, еще не могут осознать этой роли и своего особого политического положения и действовать в соответствии с этим. Классический пример “группы в себе” – это буржуазия на закате феодального строя, когда реальные деньги уже принадлежали, скажем, ростовщикам, а номинальная власть все еще была у обнищавших аристократов. Естественно, что рано или поздно у “группы в себе” начинает появляться желание стать “группой для себя” – то есть, так изменить социальный и политический порядок, чтобы и номинальная политическая власть стала принадлежать тем, кому уже принадлежит реально власть экономическая – в данном случае, новому буржуазному сословию, Тогда и начинается процесс превращения “группы в себе” в “группу для себя”.

“Группа для себя” – это такой уровень развития, при котором группа, или, по крайней мере, значительная часть ее представителей, уже осознают особенности положения и роль своей группы в обществе, и начинают активно участвовать в социальных, прежде всего политических процессах, направленных на изменение общественного устройства в соответствии с потребностями, интересами, ценностями данной группы. Например, постепенно готовят и, рано или поздно, осуществляют политический переворот – в рамках уже избранного примера, буржуазную революцию. Тогда взявшие власть представители новой большой социальной группы меняют весь социально-политический порядок, создавая для своей группы наиболее удобные условия политического господства. “Группа для себя” создает и общественное устройство для себя, и политические структуры, институты – в целом, государство для себя.

Продолжая логическую цепь, предложенную Гегелем, мы подходим к необходимости уточнения “группой” своих отношений с другими социальными общностями, то есть стать “группой для других”. Этому помогает более высокий уровень сознания – самосознание.

Идеология выступая как теоретически оформленное выражение сознания социальной общности одновременно проявляет схожесть и с самосознанием данного социума. В

¹ См.: Ольшанский Д. Политическая психология, с.294-295

последнее время многие авторы даже отождествляют идеологию с самосознанием. На то есть объективные основания, поскольку и определение понятия “самосознание”, и истоки этого явления, и его аспекты практически идентичны с соответствующими характеристиками идеологии.

В науке под самосознанием принято понимать процесс и результат выработки относительно устойчивой осознанной системы представлений субъекта общественных отношений о самом себе, на основе которой субъект целенаправленно строит свои взаимоотношения с другими субъектами и объектами как внутри социально-политической системы, так и за ее пределами, и относится к самому себе. Это осознание себя в обществе и политике, целостная оценка своей роли, целей, интересов, идеалов и мотивов поведения¹. Как видно, последнее утверждение практически совпадает с приведенным выше структурным содержанием идеологии.

В случае, когда субъектом самосознания выступает социальная общность, речь идет о социально-групповом самосознании, подразумевающим наличие в большей или меньшей степени идеологизированных концепций, касающихся коллективного осознания группой особенностей свойственного ей восприятия, мышления, характера и направленности действий в соответствии с интересами и потребностями.

В целом социально-групповое самосознание включает три основных аспекта: когнитивный, эмоциональный и оценочно-волевой, которые можно приписать и к идеологии. Так, когнитивный аспект (самосознание в самом узком, буквальном смысле, как набор осознанных объективных знаний о своем месте в обществе) подразумевает наличие определенного информационного уровня, позволяющего сопоставить имеющуюся информацию об устройстве окружающей социально-политической среды с представлениями о собственной роли, возможностях и способностях субъекта в этой среде.

Эмоциональный аспект социально-группового самосознания выражается в определенном эмоционально окрашенном субъективном отношении к знанию своего объективного общественного статуса. Последний может устраивать или не устраивать, восприниматься как высокий или низкий, благоприятный или неблагоприятный и т. п.

Оценочно-волевой аспект социально-группового самосознания тесно связан с эмоциональным и проявляется, прежде всего, в стремлении повысить общественную самооценку, завоевать уважение, обрести или укрепить влияние, авторитет в обществе, а в конечном счете – политическую власть. Это может проявляться в разных формах. На групповом уровне – как те или иные лоббистские тенденции, связанные с продвижением к власти своих представителей. На социальном макроуровне это может выражаться в

¹ См.: Бачинин В.А. Философия. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В.А. 2005, с. 203

массовом стремлении, например, определенного социального слоя к социальной революции, радикально изменяющей его положение в социально-политической системе.

В своей совокупности, три названных аспекта самосознания образуют целостный “образ самого себя”, существующий, хотя и на разных уровнях развития, практически у всех реальных или виртуальных, созданных идеологической пропагандой, субъектов социально-политической жизни. Такой образ представляет собой интегрированное сочетание нескольких компонентов, включая реальное представление о себе в настоящее время, идеальное представление о том, каким субъект, по его мнению, должен был бы стать, и о том, какую роль он должен был бы играть в обществе в соответствии со своими способностями и возможностями.

Генетические истоки формирования самосознания связаны с активной социально-политической деятельностью и социально-политическим общением субъекта самосознания с другими субъектами. На основе опыта, приобретаемого в ходе развертывания этих процессов, начинает действовать закон социально-политического сравнения, постепенно ведущий к формированию тех или иных компонентов самосознания. Социальное сравнение связано с действием механизмов социально-политического противопоставления или, напротив, социально-политической идентификации. В первом случае политическое самосознание развивается на основе противопоставления “Я” – “они” (в случае индивидуального субъекта) или “мы” – “они” (в случае субъекта группового). Во втором случае развитие идет по другой схеме: “Я” – “мы”. И обособление, и отождествление являются необходимыми, хотя и противоположно направленными, сторонами процесса формирования самосознания. Подобные процессы наблюдаются и в идеологии. Этим объясняется восприятие идеологией “своих” и “чужих” среди различных социальных субъектов, без чего она просто невозможна.

Как видно, во многих аспектах проявляется схожесть идеологии и самосознания. Однако следует учесть и различие, существующими между этими феноменами. Это касается, в первую очередь, определения носителей идеологии и самосознания. Субъектами самосознания могут выступать как социальные группы и общество в целом, так и индивиды. Не случайно самосознание бывает, например, как узкогрупповым, так и индивидуальным. Идеология же не может быть индивидуальной, она всегда носит общественный характер (хотя, как было рассмотрено выше, она не может существовать в отрыве от индивидуального сознания). Поэтому при сравнении этих двух явлений необходимо привести их как-бы “к общему знаменателю”, поставить их на одну плоскость. Для этого необходимо сравнивать не идеологию и самосознание вообще, а именно “идеологию социальной общности” и

“самосознание социальной общности”. В таком ракурсе идеология выступает в качестве стержня самосознания, его основного содержания.

Однако и здесь требуется некоторое уточнение. Дело в том, что, в данном случае, мы имеем дело не с той идеологией, которую изложили в теоретическом виде идеологи (“написанная идеология”), а той, которая представляется в виде субъективной конструкции, направленной на рационализацию и объяснение действительности (“неписанная идеология”).

За счет выделения и обособления себя от окружающей социально-политической среды в ходе развития самосознания субъект формирует самостоятельное мышление, обогащает сознание с помощью идеологии в целом и вырабатывает собственное мировоззрение в частности. Благодаря развитию самосознания он отделяет себя как субъекта социально-политической деятельности от самой этой деятельности и ее продуктов, сознательно направляет ее на достижение тех или иных целей, делает ее предметом воли и сознания.

При рассмотрении идеологии в общественном сознании, с точки зрения его субъектов, и, в особенности, выявлении ее связи с самосознанием социальной общности, становится ясным, что идеология, мобилизуя социальные слои или общество в целом на решение практических задач, определяет взаимоотношения социальных субъектов. Кроме этого идеология призвана отражать их отношение и к различным общественным институтам, и прежде всего к политическим институтам общества. Без этого невозможно полное отражение коренных интересов социальных общностей, имеющих высокий уровень самосознания. Самосознание социальной общности в том и проявляется, что она способна сравнивать себя с другими субъектами и влиять на их поведение. Добиться этого возможно лишь посредством использования политических рычагов, через политическую систему общества. На наш взгляд, идеология, выступающая с позиций социальных общностей, практически всегда, приобретает политическое содержание.

Этим и объясняется то обстоятельство, что многие исследователи рассматривают идеологию именно как политическое явление, называя ее “политической идеологией”. Такая точка зрения имеет право на существование, так как столь всеобъемлющее явление как идеология не сможет реализовать себя без выдвижения и решения политических задач. Основное содержание любой идеологии является политическим. Поэтому вовсе не обязательно исследователю каждый раз указывать на это обстоятельство. Термин “политическая идеология” может быть использован только для концентрации внимания читателя именно на политическом аспекте этого феномена, или же при понимании идеологии как части политики.

3. ИДЕОЛОГИЯ И ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Для более полного выявления сущности идеологии, а также проведения сравнительного анализа близких ему явлений, такими как мировоззрение, наука, религия, право и другие, необходимо опять обратиться к общественному сознанию, но уже с точки зрения существования его форм. При этом следует учитывать функционирование закона взаимодействия различных форм общественного сознания. В конечном счете само деление общественного сознания на формы является лишь условным шагом. В реальности все они выступают в тесном единстве и взаимопереплетении.

Политическое, правовое, философское, религиозное, нравственное, художественное сознание оказывают влияние друг на друга. При этом одна из форм может даже выступать в качестве определяющей. Так, в тоталитарных обществах господствующим является политическое сознание, которое подменяет под себя все остальные формы сознания. Или же в теократических странах – господствующей является религиозное сознание. Из содержания, например, нравственного сознания в таких обществах выбрасываются общечеловеческие моральные ценности, а нравственным объявляется лишь то, что служит достижению поставленных данным политическим строем целей. Это отнюдь не означает, что негосподствующие формы сознания переживают абсолютный застой. В них происходит процесс накопления прогрессивных идей для последующего их взлета. Так, например, происходило в нашей стране с философским, религиозным, эстетическим и другими формами сознания, которые теперь, после преодоления тоталитаризма, переживают значительный подъем.

Из всех форм общественного сознания наиболее близко к идеологии многие исследователи подводят политическое сознание. Некоторые ученые склонны даже отождествлять идеологию с политическим сознанием. Так поступает, например, известный ученый советского периода А.Г.Спиркин. Он использует термин “политическая идеология” как синоним “политического сознания”, говорит об идеологии как о “политическом умонастроении граждан”¹.

Под политическим сознанием имеются в виду многообразные проявления человеческой духовности, отражающие деятельность механизмов политической власти и направляющие поведение людей и социальных общностей в сфере политических отношений. Те или иные компоненты сознания приобретают политическое значение, когда от хода дел в регулируемой ими сфере социальных отношений в решающей степени зависит реализация социальных, национальных интересов, целей, стоящих перед государством.

¹ Спиркин А. Г. Философия. М.: Гардарики. 2007, с. 654

Политическое сознание предстает перед нами в единстве политической психологии и идеологии. Здесь, как и в целом в общественном сознании, идеология выступает в качестве более высокого по сравнению с психологией уровня сознания. Это теоретико-концептуальный уровень политического сознания, его стержень и основное содержание.

В политическом сознании осуществляется целостное воспроизведение политической жизни, отдельные же фрагменты ее могут отражаться другими формами общественного сознания. От последних политическое сознание отличается не только специфическим объектом отражения (политическое бытие общества) и соответственно специфическим категориальным аппаратом, но и более конкретно выраженным субъектом познания. Хотя в политическом сознании общества известное место занимают и категории, отражающие общецивилизационные политические ценности (гражданское общество, демократия, разделение властей и т.д.), в ней все-же преобладают те чувства, традиции, взгляды и теории, которые циркулируют короткое время и в более сжатом социальном пространстве.

Эту специфику легко объяснить, если вспомнить, что политическое сознание, как впрочем и идеология, обязаны своим возникновением расколу общества на большие социальные группы с противоположными интересами. К ним впоследствии добавляются этнические и полиэтнические государственные образования с весьма непростыми отношениями между населяющими их народами, а также не менее сложные межгосударственные отношения, которые также требуют специальной рефлексии. Эти политические явления фиксируются как на уровне психики, так и на уровне рациональном – в виде идей и цельных теоретических систем (идеологий), носящих субъективный отпечаток определенной социальной принадлежности, чаще всего классовой, либо национальной.

Политика, политическая борьба властно вторгаются во все сферы бытия, пронизывают все формы сознания. Это не особая замкнутая область деятельности политиков. По существу, жизнь любого общества пропитана политическими интересами, концентрирующими в себе наиболее острые социальные противоречия. Именно политические интересы двигают всеми общественно активными объединениями и являются стержнем социальных столкновений. В этой борьбе и наука, и религия, и философия могут быть вовлечены в сферу идеологической дискуссии. Не только социально-экономическая, но и духовная жизнь общества находится в определенной зависимости от политических интересов.

Существенные особенности политики создают и особый тип ее духовного освоения, способный, во-первых, выражать интересы субъекта политики; во-вторых, отражать проблемы социальной целостности, управления обществом, государством, ведь именно они являются объектом политической активности; в-третьих, иметь систематизированную,

теоретическую форму, ибо та действительность, в которой действует субъект политики, системно организована, и ему необходимо четкое представление о своем месте в этой системной организации. Именно такие черты приносит в политическое сознание идеология, прежде всего благодаря таким ее сущностным чертам, как систематизированный, теоретический характер, способность целостного отражения интересов социальных общностей, стремление к овладению массовым сознанием, мотивация политической деятельности.

Любой субъект политики нуждается в идеологии – средстве духовного сплочения и руководства, которое направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует волю, стремление к политическому действию, мобилизует их активность, способствует социальной интеграции групп, вовлеченных в политическое действие или готовящихся к нему. С полным основанием можно назвать идеологию “векторным” направляющим мышлением, приводящим политическое действие в соответствие с определенными интересами. Поэтому идеология, не будучи аналогом политического сознания, не отражая в полной мере все многообразие политической жизни, играет в ней столь важную роль. Это делает ее стержневым элементом политического сознания, наличие которого свидетельствует о способности ее носителя действовать активно, целенаправленно в сфере политических отношений. Благодаря идеологии проведение политики приобретает рациональный характер. Все остальные элементы политического сознания развиваются под определяющим влиянием идеологии, несут на себе отпечаток ее воздействия.

Для более точного определения специфики и места идеологии в политическом сознании необходимо видеть ее отличие от другой формы теоретического обобщения в политике – политической науки, которая, на наш взгляд, по уровню проявления может быть, как и идеология, отнесена к политическому самосознанию. В обоих явлениях большую роль играет способность их носителя к самооценке, рефлексии. В этом заключается общность этих двух явлений. Оба являются результатом дифференциации общественного сознания, что происходит на высших стадиях общественного развития”.

Идеология не является и не может быть, с одной стороны, полностью научно-истинной, а с другой – только лишь вымыслом, ложным сознанием, намеренным или невольным искажением действительности. Она всегда в той или иной мере включает в себя как субъективно-ценностные факторы, так и элементы объективно-истинного отражения мира, правдоподобного и нередко научного толкования социальных процессов. Этим обеспечивается более или менее устойчивая реальная связь идеологии с жизнью, что необходимо для распространения идеологии, ее превращения в активно действующую общественную силу. Поэтому перед идеологами, особенно перед теми, кто представляет собой наиболее

перспективные, идущие в ногу с историей слои, неизменно стоит задача тесно связать, органично объединить цели, идеалы, ценностные ориентиры, с объективно-правдивой картиной мира, должное с необходимостью.

Поскольку момент правильного, объективного в составе идеологии не отрицается, а предполагается, многие ученые считают вполне возможным существование “научной идеологии”. Таких взглядов придерживается, например, П.А.Рачков, хотя “научность” идеологии он видит не в абсолютном, а в относительном значении¹. Подобные утверждения ученых, как правило, сопровождаются обтекаемыми и расплывчатыми формулировками, призванными размягчить столь категорическое утверждение о “научности” идеологии. Однако, на наш взгляд, никакие объяснения и доводы не могут подогнать этот феномен под понятие “научности”. Теоретические конструкции и концепции (в том числе научные), лежащие в основе любой идеологии не способны сделать ее научной, так как они сами преломляются сквозь определенные системы ценностей и теряют свою “искомую” силу. С другой стороны, понятие “научности” столь однозначно, что не приемлет любых оговорок относительно степени ее объективности.

Таким образом, идеология, хоть и частично отражает реальную действительность и тесно связана с ней, и иногда даже через нее возможно объективно оценить отдельные стороны социальной действительности, тем не менее не может претендовать на роль науки в обществе. На наш взгляд, следует различать такие понятия как “научность” и “познавательная ценность”. Идеология в данном случае, будучи ненаучной, но в то же время социально обусловленным явлением может представлять для общества соответствующую познавательную ценность, то есть выполнять когнитивную функцию.

В составе развитых идеологий имеются политические идеи и программы; здесь представлены помологические знания (о закономерностях в природе и обществе), знания структур, функций тех или иных системных образований, аксиологические знания (о потребностях, интересах и целях разных социальных групп и классов) и праксеологические знания (об эффективных способах реализации общих социальных целей). Последние часто выражаются в форме лозунгов, призывов, задач, призванных связать теоретический уровень идеологии с практикой, с воздействием теории на сознание людей. В этом своем качестве идеологическое знание оказывается повернутым своей действенно-практической стороной и напоминает своего рода методические рекомендации научного знания.

Целая плеяда мыслителей относилась и относится к идеологии как, исключительно ложному или, в лучшем случае, иллюзорному знанию. К таким мыслителям можно причислить К.Мангейма, К.Маркса, представителей идейного течения “деидеологизации”

¹ Рачков П.А. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №2. 1999, с. 35

раннего периода (Э.Шилс, Д.Белл, С.Липсет, Р.Арон) и других. Такой взгляд на идеологию присутствует и у многих представителей постсоветской науки. Например, нельзя согласиться с категоричным тезисом российского ученого А.А.Зиновьева о том, что “понятие истины к идеологии неприменимо, как оно неприменимо и к религии. Идеология оценивается не критериями истины, а критериями адекватности”, т.е. ее соответствия потребностям определенных групп людей, ее нужностью и эффективностью¹. У идеологии и науки, пишет он в другой работе, разные задачи: у первой – организация общественного сознания, осуществление идейного диктата, у второй – познание мира, развитие творческого начала. К тому же идеология рассчитана на массы, на манипулирование ими, она связана с рядом несбыточных проектов, а наука предполагает профессиональное образование и не рассчитана на всех. Если бы, к примеру, марксизм был наукой, то, по словам автора, он никогда не имел бы массового успеха². Понятно, что автор исключает не только тождественность идеологии и науки, но и вообще возможность включения в идеологию элементов истинного отражения действительности. Здесь необходимо заметить, что определенные объективные знания несет в себе не только идеология, но и, приравниваемая к ней Зиновьевым, религия, которые социально обусловлены. Через них человек всегда старается познать и осознать окружающий мир.

Наряду с общими чертами, между идеологией и политической наукой имеются и существенные отличия. Так в политической науке преобладает функция отражения, она основывается прежде всего на фактах. В идеологии же преобладает функция ориентации, превалирует ценностный аспект, она выражает прежде всего интересы социальных общностей. Как политическая наука, так и идеология имеют свои специфические цели.

Кроме этого, одной из особенностей политической науки является то, что она обосновывает сущность общественного бытия, а также отражающие его формы и уровни общественного сознания посредством особого категориального аппарата. В роли обобщающего, методологического фактора, в данном случае, выступает философия.

Таким образом, несмотря на то, что и идеология, и политическая наука имеют дело с одним и тем же объектом, их отличают разные подходы, средства познания и цели.

На определенных этапах исторического развития в качестве наиболее массовой формы общественного сознания выступает религия. До появления идеологии в обществе ее заменяла именно религия. Практически только процесс секуляризации, протекаемый в средневековом обществе, привел к замене религии идеологией. Во все времена наблюдалась взаимосвязь этих двух явлений. Так, скажем, этический социализм всегда опирался на

¹ См.: Правда. 1 марта 1995 г.

² См.: Зиновьев А.А. Искание истины. Советская Россия. 22 ноября 1997 г.

определенные религиозные воззрения, что привело к становлению христианского социализма, исламского социализма и т.д. Протестантизм в свое время помог становлению этики личной ответственности индивида, получившей затем политическое развитие в классическом либерализме. Подобные процессы протекают и в современном мире: распространяются различные религиозные принципы, принимающие форму целостных мировоззрений. Это касается в первую очередь религиозного фундаментализма, о котором вполне можно говорить как об идеологии.

Об общности религии и идеологии говорил еще У.Матц, который видел в основе как политических, так и религиозных убеждений веру¹. Вера является феноменом человеческого (как индивидуального, так и общественного) сознания. Без веры (веры в идеал) невозможна никакая человеческая деятельность. Она всегда сопровождает общественное развитие и лежит в основе как идеологических, так и религиозных доктрин.

Общность этих явлений не ограничивается верой. Ее можно наблюдать также в их социальных и гносеологических корнях. Первоначально, на ранних ступенях развития человеческого общества, социальными корнями религии считаются низкий уровень хозяйства и обусловленный им примитивный уровень сознания человека, его беспомощность перед силами природы. Однако позже, с появлением разнородного общества, в качестве социальных корней на первый план выходят уже межгрупповые взаимоотношения. С одной стороны, это стремление правящего слоя держать подчиненных в повиновении, с другой, бессилие последних перед стихией общественного развития, которое сказывается на них каждодневно, через экономические взаимоотношения. Именно в классовом обществе идеология приобретает форму религии, через которую социальные слои и группы общества решают свои назревшие задачи и выражают свои интересы. Так появляются антропоморфные религии, отражающие и укрепляющие возникшую социальную иерархию в человеческом обществе, или же различные религиозные течения, отличные от официальных доктрин и призванные объединить низшие социальные слои. Ввиду преобладания религиозного сознания в обществе даже социальный протест в нем приобретает религиозный оттенок.

Следует особо обратить внимание и на общность гносеологических корней религии и идеологии. Они заключены прежде всего в способности человека к абстрактному мышлению и возможности к отлету мысли в сторону, возведению в абсолют какой-нибудь частицы изучаемого явления и фантастического его отображения. К гносеологическим корням относится и способность человека к самосознанию. Религиозное сознание, как и идеология невозможны без самосознания.

¹ См.: Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху Модерна / У.Матц // Полис. 1992. № 1-2

Как между идеологией и познанием, так и между религией и познанием существует тесная и неразрывная связь. Сколь бы не была эмоциональна вера, она основывается на знании, имеет предпосылкой знание, познание пронизывает веру, оно венчает процесс религиозного верования. Специфика религиозной веры – в том, что она есть переплетение разума и душевных переживаний, специфика же идеологии – в переплетении разума и стремлений к удовлетворению интересов и властных амбиций.

Общность между идеологией и религией проявляется и с функциональной точки зрения. Оба явления, например, осуществляют компенсаторную функцию: компенсируя социальную неудовлетворенность, дискомфорт в наличном бытии религия как-бы “утешает”, а идеология вселяет надежду на благополучное изменение социального бытия. Выполняя интегративную функцию идеология и религия суммируют поведение и деятельность индивидов, объединяют их мысли, чувства, стремления, направляют усилия социальных групп и институтов, способствуют стабильности данного общества или становлению нового. Так, под идеологическим знаменем христианства проходило крушение рабовладения в Западной Европе, религиозной была и идеология ранних буржуазных революций и т.д.

Идеология и религия выполняют и регулятивную функцию – выступают в качестве регуляторов поведения людей в обществе. Функциональная общность этих явлений проявляется и в коммуникативной функции: они служат средством общения между людьми.

Вместе с тем необходимо указать и на различие, существующее между этими явлениями. Религия вырабатывает определенные стандарты и ролевые стереотипы социального поведения, которые отвечают не только внешним нормативным требованиям (что собственно и роднит ее с идеологией), но и глубинным внутренним потребностям личности, имеющим нравственно-экзистенциальную природу (что ее от идеологии отделяет). Идеология – это учение или теория, не только выдающая себя за абсолютную и всеобъемлющую истину, но и предписывающая человеку определенное поведение, действие. Религия, в свою очередь, – это всегда нечто очень личное, невозможное без глубокого личного и внутреннего опыта, тогда как идеология, практически всегда, все личное отрицает и отвергает как ненужное. Религия, с призывом верить, всегда обращена к конкретному человеку. Идеология всегда обращена к массе, коллективу, к народу, к классу, человечеству. Цель религии в том, чтобы через веру в Бога, человек нашел бы себя, стал собой. Цель идеологии в том, чтобы подчинить себе без остатка человека. Религия в другом человеке призывает видеть ближнего; идеология как правило направлена на дальних, отвлеченных людей. Согласно Канту, религия является познанием наших обязанностей в виде божественных заповедей, но не в виде санкций, т.е. не в виде произвольных, случайных для

самих себя предписаний некой чужой воли, а как существенные законы любой свободной воли, которые, однако, должны рассматриваться как заповеди высшего существа¹.

Изучение такого феномена, как идеология, невозможно без определения его связи с мифологией, которая также проявляется в сфере общественного сознания. В политической науке, параллельно изменению отношения к идеологии в сторону позитивного его восприятия, происходил также отход от негативного отношения к мифу, и особенно политическому его аспекту. Уход от негативизма в отношении к политической мифологии помогает восстановлению диалектического видения общественных процессов. По мнению многих исследователей идеология и миф не только взаимосвязаны, но и почти равнозначны. По их утверждению в зрелой форме миф всегда соответствует достаточно разработанной идеологии. Так, например, К.Леви-Стросс писал: “Ничто так не напоминает мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую”².

На прямую связь идеологии с мифом указывает и представитель современного либертаризма Людвиг фон Мизес. Он отмечает, что в общем и главном опровергнутые временем идеологии, которые ранее сыграли огромную роль в истории, только их противниками называются мифами. “Но эту роль, – продолжает он, – они сыграли не как мифы, а как учения, считавшиеся истиной. В глазах своих последователей они были достоверной истиной, предметом их глубокой и искренней веры³. Действительно, миф и идеология пронизывают друг друга и взаимопереплетаются. Идеи или идеологии лишь намечают вектор движения общества или социальной группы, а реальное движение вдоль него возникает в том случае, если произойдет превращение этих идей в политический миф. При этом значительно облегчается проникновение идеологии в сознание людей. Происходит это посредством трансцендентных бытию элементов, разводящих представления о “насущном” и “должном” на такое расстояние, при котором как-бы возникает энергия, достаточная для возникновения социально-политического процесса.

О тесной связи идеологии с мифом указывает и А.Н.Кольев. “Осмысление реальности, – пишет он, – всегда происходит на базе некоего ощущения, образного ряда. Действительность воспринимается эмоционально. Идея исходит из мифа в качестве более оформленных символов, уложенных в некую логическую схему, которая ближе к науке, чем к сказке, но все же генетически связана с этой сказкой”⁴. Такой подход вполне оправдан, так

¹ См.: Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. Под ред. Г. Шишкоффа. М.: Республика. 2003. с. 382

² Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: 1983, с. 186

³ Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум. 2006, с.178

⁴ Кольев А. Политическая мифология: Реализация социального опыта. М.: Логос. 2003, с. 218

как иначе идеология потеряет свой социальный заряд и превратится в никому не нужный набор взаимосвязанных мыслей.

Миф – это не только символическая запись должного, но и выражение общей воли. Идеология “использует” это обстоятельство для глубокого проникновения в индивидуальное сознание людей. “Вооружившись” соответствующим мифом, она начинает отображать бессознательное в единых для массы символах. Последние преподносятся в форме вдохновляющих и мобилизующих идей, которые с легкостью превращаются в убеждения социальных слоев. Однако это происходит не самопроизвольно. В основе каждого мифа лежит определенная концепция. Концепция, соответствующим образом отрефлексированная в политику, превращается в идеологию. Тем самым она отходит от чисто научного подхода и, трансформируясь в идеологию, прорывается к массам – в мир эмоций, чувств, фантазий и мифов.

Миф не может существовать без концепции. Иначе он превращается в сказку или, в лучшем случае, в приукрашенный обман. Такое отношение переходит и к идеологии. Если миф, а вместе с ней и идеология не концептуальны, тогда их трудно отличить от простых выдумок или от преднамеренной лжи. Мифы существуют для того, чтобы вовлечь в политику массу, двинуть в том направлении, который указывает концепция, а вместе с ней и идеология, зачастую игнорирующая интересы личностей. Миф снимает конфликт между личными устремлениями и высшими целями: люди жертвуют сиюминутными интересами во имя будущего.

Идеология представляет собой способ поставить миф на службу задачам сегодняшнего дня. Его воплощение в современном обществе возможно преимущественно в сфере политики. Только в политике есть группы людей, способных не только породить миф, но и вполне практично принять его в качестве основы политической программы. Для таких групп миф – не иллюзия или заблуждение. Миф лежит в основе всякого мировоззрения, в основе картины мира, в том числе и политической.

Мифология стала основой для развития и другого явления духовной жизни, каким является философское мировоззрение. Выступая в качестве ядра философской формы общественного сознания и выполняя одну из главных функций философии, оно тесным образом связано с идеологией. В научной литературе эти два понятия иногда выступают даже как синонимы. Это определяется высоким уровнем обобщенности самого понятия “мировоззрение”, что позволяет ему как бы “вобрать в себя” идеологию.

Мировоззрение выступает как целая “система наиболее общих представлений, знаний, предположений, умозрительных моделей, образных картин, философских принципов, идей, ценностных ориентаций, убеждений, идеалов, верований, с помощью

которых человек объясняет себе и окружающим все то, что происходит с миром, с ним самим и с его взаимоотношениями с мирозданием”¹. Ряд характеристик мировоззрения отражает в большей степени ее рационалистическую направленность, а другие, напротив, выражают ее смысл как формы ценностного сознания. Эта система проявляет себя не только в экзистенциальном, этическом и других аспектах, но и в познавательном и ценностно-ориентационном. Последние аспекты взаимопроникают друг в друга и сближают мировоззрение с идеологией, позволяют ей вооружить идеологию “общими теоретическими ориентирами и принципами”².

Только на базе развитого мировоззрения становятся возможными продуктивная социокультурная и политическая деятельность, полномасштабная творческая и личная самоотдача, без которых не может существовать ни одна идеология. С другой стороны, идеология в свою очередь также способствует становлению мировоззрения и даже входит в него, обогащая его как с точки зрения ценностной, так и познавательной.

Однако, между мировоззрением и идеологией существует очень существенная разница как с функциональной точки зрения, так и с позиции равноуровневости. По своему содержанию мировоззрение шире идеологии. Идеология охватывает лишь ту часть мировоззрения, которая ориентирована на социальные явления и групповые отношения. Мировоззрение же в целом относится ко всей объективной действительности и к человеку.

Мировоззрение не выходит за рамки личности. Здесь личность отвечает за свои поступки. Мировоззрение имеет личностный характер. Отношения же между личностью и идеологией носят иерархический характер, поскольку идеология от имени провозглашенной ею идеи или идеологов накладывает на человека требования выполнять определенные действия, помогающие этой идеологии стать господствующей в обществе. В отношениях между личностью и идеологией первая всегда в подчинении у второй.

Мировоззрение есть общее понимание мира, человека, общества, определяющее социально-политическую, философскую, религиозную, нравственную, эстетическую, научно-теоретическую ориентацию человека. Гносеологическая структура мировоззрения образуется в результате обобщения естественнонаучных, социально-исторических, технических и, самое главное, философских знаний. Согласно М. Шелеру, мировоззрение – это “управляющий всей культурой или одной личностью вид селекции и членения, в котором оно (мировоззрение) фактически вбирает чистую сущность физических, психических и идеальных вещей, независимо от того, как совершается их осознание и даже

¹ Бачинин В.А. Философия. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В.А. 2005, с. 143

² Погосян В.В, Мирумян К.А. Идеология и конституция. Е.: Ноян Тапан. 1999, с.10

происходит ли это осознание вообще”¹. “Чистая сущность” всего того, что окружает человека, и тем более того, как он должен действовать в будущем, является во многом результатом философского мышления, пытающегося объединить в единое целое разные формы познания мира, начиная с результатов конкретных наук и кончая анализом традиций и “духа эпохи”. Вместе с тем было бы неправомерно утверждать, как это делал марксизм-ленинизм, что какая-то конкретная философская система способна составить ядро мировоззрения общества. Естественно, господствующая идеология в состоянии оставить свой отпечаток на нем. Однако, в целом, мировоззрение складывается под воздействием культуры эпохи как целого, а не в результате воздействия тех или иных сторон социальной жизни и тем более популярных в конкретный период идей.

Мировоззрение имеет сложный описательно-оценочный характер и является в значительной мере неартикулированным. Различают понятия “мировоззрение”, “общая картина мира”, “мироощущение”, “мировосприятие”, “миросозерцание”, “миропонимание”. Между всеми этими понятиями существует тесная связь и единство. Вместе с тем между ними имеются и различия. Общая картина мира - это синтез знаний людей о природе и социальной реальности. Совокупность естественных наук образует естественнонаучную картину мира, а общественных – социально-историческую картину действительности. Создание общей картины мира – задача всех областей знания. Согласно Гегелю, картина мира, которую люди создают себе в философии, есть осознание мира².

Человек утверждает себя в предметном мире не только с помощью мышления, но и посредством всех своих познавательных способностей. Целостное осознание и переживание воздействующей на человека реальности в форме ощущений, восприятий, представлений и эмоций образуют мироощущение, мировосприятие и миросозерцание. Миропонимание представляет собой лишь понятийный, интеллектуальный аспект мировоззрения. Для мировоззрения же характерна еще более высокая интеграция знаний, чем это происходит в перечисленных явлениях и общей картине мира.

В мировоззрении наличествует не только интеллектуальное, но и эмоционально-ценностное отношение человека к миру. Чувства и переживания органично вплетены в мировоззрение. Подобное происходит и с идеологией. Являясь теоретической системой знаний и ценностей, идеология опирается как на мышление, рациональные построения, так и на эмоционально-ценностный аспект, которые формируются на основе соответствующего мировоззрения – представлений об общей картине мира, результата ощущений и восприятий действительности, его созерцания, “чувствования” и понимания.

¹ Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер М. Избранные произведения. М.: 1994, с. 11

² См.: Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. Под ред. Г. Шишкоффа. М.: Республика. 2003. с. 395

Как видно, в основе и идеологии, и мировоззрения лежит рационально оформленная теория. Именно теоретическое знание в целом выполняет функцию мировоззрения, то есть вооружает человека системой взглядов на мир в целом, на мироздание и на место самого человека в нем, создавая основу для появления идеологии.

Мировоззрение не есть, как иногда полагают, сумма или даже система взглядов на отношение человека к миру и, таким образом, содержательно отличная от теории; мировоззрение есть теория, взятая с функциональной стороны. Оно есть функция теории, то есть роль теории в социуме. Эта роль заключается в необходимости дать человеку (человечеству) целостное представление о мире, чтобы определить ориентиры для деятельности и поведения в этом мире.

Теоретическое знание, будучи транслировано в массовое сознание приобретает статус мирозерцания. Иначе говоря, массовое сознание имеет функцию мирозерцания, то есть мирозерцание – есть функция массового сознания, подобно тому, как мировоззрение – есть функция теории. Различие между понятиями “мировоззрение” и “мирозерцание” здесь, скорее всего терминологическое.

Мировоззрение и мирозерцание – понятия, связанные с социально-философским уровнем рассмотрения сознания. На уровне рассмотрения, связанном с анализом конкретных форм бытия и функционирования сознания, где понятие общественное сознание выступает как сознание общества (общества вообще, или отдельного конкретного социального организма), в котором теория и массовое сознание не только отражают бытие, но и выступают выражением потребностей социальных общностей, понятия “мировоззрение” и “мирозерцание” конкретизируются до понятий “идеология” и “общественная психика”.

Поэтому понятия мировоззрение и идеология – разноуровневые, разноаспектные. Идеология есть конкретизация мировоззрения, его особая форма, существующая в обществе с неоднородным составом, то есть в обществе, разделенном на группы, обладающие различными интересами. Иначе говоря, идеология – есть функция теории в социально неоднородном обществе. Она есть мировоззрение, дающее знание о мире в целом, но с точки зрения интересов той социальной группы, мировоззрением которой она является, и интересы которой она с необходимостью выражает.

Подобно мировоззрению, идеология не есть нечто содержательно отличное от теории. Различие теории и идеологии – функциональное. Теория, выполняющая функцию миробъяснения, является мировоззрением. Мировоззрение, преломленное сквозь “призму” групповых интересов, конкретизированное оценками и отстаиванием миропонимания (особенно понимания социальной реальности) с точки зрения интересов данной группы, выступает как ее идеология.

В данном случае, в основу идеологии ложится не сама конкретная теория, а сформулированная на базе современных обществоведческих теорий и их достижений теоретическая концепция. “Посредством такой концепции, – пишет К.А.Мирумян, – общественные отношения и их развитие отражаются и оцениваются с точки зрения общественных групп... а также отражаются цели, программы и идеалы социальной деятельности этих групп. Иначе говоря, данная концепция может стать конкретной идеологией”¹.

Когда мы говорим, например, о буржуазной идеологии, мы имеем в виду, в основном, теорию (по преимуществу социальную), выражающую в систематизированной форме интересы именно буржуазии как социальной группы, отличного от других социальных классов. Буржуазная идеология есть функция социальной теории, заключающаяся в осмыслении социальной действительности, обосновании и оценке ее с точки зрения интересов именно этой социальной группы и никакой другой, и защите этих интересов средствами теории.

Поэтому, когда говорят, например, что либерализм есть одна из разновидностей типично буржуазной идеологии, имеют в виду экономические, политические и иные либеральные теории, объясняющие и оценивающие социальную действительность, обосновывающие соответствующие изменения в этой действительности и теоретически отстаивающие необходимость таких изменений в полемике с иными взглядами, иными оценками, иными подходами к этим вопросам, а не что-либо иное, специально идеологическое.

Здесь специально оговорена роль именно социальных теорий. Относительно естественнонаучных теорий можно говорить, в основном, об их мировоззренческом значении, не имеющем непосредственного отношения к интересам той или иной социальной группы. Поэтому нельзя говорить, например, о групповой (классовой) физике или химии. Хотя история бывшего СССР показала, что господствующая идеология иногда может считать недопустимым развитие тех или иных научных направлений, которые “бросают тень” на основные ее догматы и не “соответствуют коренным интересам рабочего класса” (состояние генетики в СССР).

Теории не претендуют на создание законченных систем, раз и навсегда постигших истину. Они открыты для новых идей и решений, отличаются критичностью к своим выводам. Идеологии же подчинены диктату определенных целей и политических мотивов, претендуют на завершенность и социальную истинность. Политологи-исследователи, говоря словами Макиавели, исходят из действительной правды вещей, а не воображаемой.

¹ Погосян В.В, Мирумян К.А. Идеология и конституция, с.14

Идеологи вполне могут поступиться истиной и отдать приоритет руководящим принципам, поступиться действительным ради должного.

Идеология является сердцевиной, теоретическим ядром сознания той или иной социальной группы, ее теоретически оформленным самосознанием. Именно в этом смысле говорят, что выработкой идеологии занимается специальная группа людей – идеологов, которые, впрочем, не представляют собой некую специальную, отдельную от теоретиков группу людей, создающих идеологию, содержательно отличную от теоретических концепций социальной науки.

Таким образом, теория (иногда называемая специализированным знанием), взятая с функциональной стороны, как средство сознательной ориентации субъекта в мире, выступает, в частности, в виде мировоззрения, принимающего в обществе форму идеологии.

Однако для того, чтобы это знание функционировало в практической деятельности, оно должно быть ретранслировано, перенесено из специализированного знания в знание практическое, то есть функционирующее в рамках самой практики. Такая трансляция происходит в рамках духовно-практической деятельности, деятельности по переводу специализированного сознания в массовое, где мировоззрение принимает форму мирозерцания, а идеология, превращенная в убеждения и готовность действовать соответственно им, принимает форму общественной психологии.

Идеологическое знание строится в форме логически стройных, теоретических положений. Идеология нередко для обоснования собственных положений использует данные науки. Однако это не является критерием достоверности идеологических положений. Идеология способна как проникать в сущность социальных явлений, так и, напротив, искажать объективно происходящие процессы, выдавать желаемое за действительное. Момент пристрастности выражает в большей степени сущность идеологической формы общественного сознания, чем ее теоретическая форма изложения, ее наукообразность.

Другой формой общественного сознания, где наитеснейшим образом переплетаются идеология, мировоззрение, нравственные нормы и право является правовое сознание. Некоторые ученые рассматривают правовое сознание как “совокупность прав и обязанностей членов общества”¹, однако, на наш взгляд, наиболее близким к определению этого понятия является подход А.Г.Спиркина, который под правосознанием понимает “представления и понятия, выражающие отношение людей к действующему праву, знание меры в поведении людей с точки зрения прав и обязанностей, законности и противозаконности”². Далее правовое сознание ученый сравнивает с правовыми теориями и

¹ Алексеев П.В. Социальная философия. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. 2004, с.102

² Спиркин А. Г. Философия, с. 657

идеологией. Такое определение правового сознания охватывает всю полноту этого объемного понятия.

Российский теоретик права И.А.Ильин указывает на глубинное основание правосознания – общественную жизнь людей. Каждому индивиду присуще мировоззрение, частью которого выступает правосознание, исходящее из осознания того, что устройство личной жизни человека зависит от его отношения к другим людям. Субъективно-психологическим истоком права, закона, обычая, писал он, является основанное на здравом смысле “убеждение в том, что не все внешние деяния людей одинаково допустимы и “верны”, что есть совсем “невыносимые” поступки и есть “справедливые” исходы и решения, – это убеждение ... лежит в основе всякого “закона” и “обычая” и генетически предшествует всякому правотворчеству”¹. Оно может быть представлено в виде правового чувства, инстинкта правоты или интуиции правоты и направлено на внешние отношения людей друг к другу. Перевести это инстинктивное чувство из бессознательного уровня в план знания значит “положить начало зрелому естественному правосознанию”². Здесь, как видим, показана тесная генетическая связь двух уровней правосознания – психологического и теоретического.

Основу правосознания составляют чувство собственного достоинства, совесть и внутренняя дисциплина воли, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, к власти, а власти – к членам общества. Правосознание связано как с политической сферой, так и с нравственными нормами, действующими в данном обществе. Оно переплетается с политическим и нравственным сознанием. В отличие от политического сознания (как и идеологии) оно относится к государству не как к объекту борьбы за политическую власть, а как к внешней регламентирующей силе. В отличие от нравственных норм, которые исходят не от государства, а от самого человека и имеют для него абсолютный ценностный характер, но не имеют силы закона, правовые нормы в сознании мыслятся как необходимая база для законотворчества.

Естественно, “абсолютное количество” нравственных и правовых норм практически не всегда совпадает, в особенности, когда сталкиваются нравственные принципы господствующего и других социальных слоев общества. Ведь каждой социальной группой нравственность понимается по-своему, исходя из ее конкретных интересов. Но даже при взаимном соответствии интересов государства и значительной части граждан возможны расхождения между ними. Свод формальных законов и предписаний никогда не сможет полностью удовлетворить интересы и потребности всех слоев общества. Всегда будут

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания // Соч. В 2 т. М.: 1993. Т.1, с. 79

² Там же, с. 80

определенные слои общества, чьи интересы не найдут своего выражения в официальном законодательстве. Тем не менее, это не означает отсутствия в этих социальных группах мыслей и воззрений по поводу права (т.е. правосознания), закрепляющих в рациональной форме их интересы. Получается, что правосознание, “базирующееся” на праве и исходящих из интересов социальных групп и слоев (или общества) нравственных принципах, проявляясь на теоретическом уровне, приобретает определенную политическую направленность, которую и формирует соответствующая идеология.

С правовой точки зрения идеология представляет собой, в конечном счете, рационализацию чувств, потребностей, настроений какой-либо группы людей в форме логически стройной системы идей и представлений, призванной оправдать необходимость того или иного социально-правового порядка, определенного способа жизнедеятельности, отвечающего интересам этой группы.

Обыденно-практический уровень правосознания стремится оценить действующие законы с позиции их соответствия нравственным требованиям, а теоретическое правовое мышление посредством идеологии рассматривает действующее право с позиции его социального и политического смысла, его соответствия рациональным требованиям, объективно обусловленным реальным процессом общественной и политической жизни.

Что касается господствующей в обществе идеологии, то она, воплощенная либо в авторитарных нравах и воззрениях, либо в общегуманитарных взглядах мировоззренческого порядка, в юридическом мировоззрении, непосредственно выражает сущность данной национальной правовой системы, ее “глубинную грань”, ее философию. Правосознание превращается в особо политически и юридически значимое явление, обладающее известной регулятивной энергией, после того, как образующие его идеи как бы “материализуются” – воплощаются непосредственно в позитивном праве, выражаются в его основополагающих принципах, началах. Господствующее правосознание, взаимопереплетаясь с идеологией, обретает регулятивное значение, оказывается важным ориентиром в правотворческой и в правоприменительной деятельности компетентных государственных органов, существенным критерием при толковании права. Известный австрийско-американский ученый А.Ф.Хайек, например, анализируя правотворчество в истории западноевропейского континента, рассматривает создание новых законов как “акт целенаправленной и нестесненной воли правителя”¹ и государства.

Таким образом, идеология, базируясь на определенном правосознании, вплотную примыкает к позитивному “писаному” праву, “работает” в тесном контакте с ним, обнажая

¹ Хайек Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН. 2006, с. 103

его сущность и особенности его содержания, что придает и правотворчеству и правоприменению, всей правовой системе целенаправленный, социально ориентированный и социально определенный характер.

В процессах придания социальной жизни упорядоченности и внутреннего единства, регулирования поведения людей активную роль играет также моральное или нравственное сознание, в котором, по словам С.Э.Крапивенского, “находят свое отражение взгляды и представления, нормы и оценки поведения отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом”¹. Его роль регулятора опирается не на государственное или какое-либо внешнее принуждение, а на самооценку и общественное мнение, устоявшиеся обычаи и традиции, выражающие сложившиеся в данной нации или государстве представления о добре и зле, справедливом и несправедливом и т.д.

Этот феномен опирается на психическую природу человека, на свойственную ему эмоциональную потребность в общественном самоутверждении, а тем самым чувствительность к общественному порицанию и похвале. Для овладения умами масс и распространения своего политического влияния практически все субъекты прибегают к воздействию на психику людей. Каждая социальная группа старается навязать всем остальным членам общества собственную систему ценностей, критерии оценки хорошего и плохого поведения, с тем, чтобы эта система, внедренная в процессе воспитания в психику, сама направляла поведение личности в нужное русло. Эту функцию осуществляет идеология.

Всякая идеология редактирует мораль в интересах “мы” и “они”, то есть отбирает из морального поля традиции угодные элементы и интерпретирует отобранные принципы к ситуативным требованиям. Не случайно любая новая идеология оказывается в первую очередь “моральной идеологией”. Именно мораль позволяет освободиться от зависимости традиций, привычных взглядов и представлений. Мораль, таким образом, воздействует на эмоциональную сферу человека, на его психику через идеологию. По словам И. Канта: ”Истинная политика не может сделать шага, не посягнув заранее морали...”². Идеология не может пользоваться уважением и доверием, если она не учитывает моральные нормы, укоренившиеся в обществе.

Вместе с тем, мораль отражает целостную систему воззрений на социальную жизнь, содержащих в себе то или иное понимание сущности (цели, назначения, смысла) общества, истории, человека и его бытия. Поэтому господствующие в данный момент нравы и обычаи могут быть оценены моралью с точки зрения ее общих принципов, идеалов, критериев, а

¹ Крапивенский С.Э. Социальная философия, с. 204

² Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. М.: 1963, с. 185

моральное воззрение может находиться в критическом отношении к фактически принятому образу жизни¹.

Следует также отметить, что мораль по своей природе “несоциальна”. Разумеется, она социальна в своих формах. Она обнаруживается через социальные взаимоотношения человека. Она санкционируется только посредством социальных, социально-психологических механизмов. Но ее содержание не задается общественными интересами: ее контекст – не социальные отношения и потребности. Так же как и религия мораль носит ярко выраженный индивидуальный характер. В этом заключается ее основное отличие от идеологии.

Другим отличием морали от идеологии является то, что моральное сознание в своем устремлении к совершенству исключительно самокритично. В этом обнаруживается сходство морали с теорией или мировоззрением. О том в какой связи находятся моральные нормы с правом нами уже рассмотрено выше. Все это доказывает наличие той естественной связи, которая существует между явлениями в общественном сознании, показывает насколько близки понятия, характеризующие духовную сферу деятельности человека.

Подводя итоги вышеизложенному, можно заключить, что рассмотрение идеологии как духовного явления, тесно связанного с формами и уровнями проявления общественного сознания, позволяет глубже и яснее понять многогранность и внутренне богатое содержание этого феномена. Исследование идеологии в общественном сознании доказывает то утверждение, в соответствии с которым ни одно явление духовной жизни нельзя рассматривать обособленно, без выявления его связей с другими явлениями. Во взаимосвязях и взаимопроникновении с ними в общественном сознании идеология выступает как стержень, связующее звено между ними. Придавая им определенную ценностную направленность, а также частично являясь носителем объективных знаний об общественной жизни, идеология обогащает содержание этих явлений, вместе с этим впитывает в себя ряд их аспектов, снабжая идеологическое воздействие более эффективными средствами и методами.

¹ См.: Философский словарь. 7-е изд. М.: 2001, с.с. 342-343